

"ДУМА УМЕРЛА - ДА ЗДРАВСТВУЕТ ДУМА!"?

Эти знаменательные слова, произнесенные британским премьером Г.Кэмпбелл-Баннерманом по поводу роспуска первой Государственной думы эхом откликнулись в наше время. Государственная дума в России - это, можно, сказать, та птица Феникс, которая, сгорев в пламени "семнадцатого года", ныне восстала из пепла. Ее новая "инкарнация", - творение фантастически причудливого исторического процесса, то капризно чертящего целиной, то как будто бы обращающегося вспять и увязающего в старой "колее", вызывает у российской общественности повышенный интерес и к истории Государственной думы царского "образца."

Хотя современная Дума и Дума начала XX столетия поистине "две большие разницы", - за три четверти века много воды утекло, в том числе и в той реке, в которую нельзя войти дважды, эта общественность не зря пристально вглядывается в туманную историческую даль.

Квинтэссенция ее интереса ярко выражена в книге председателя теперешней Госдумы И.П.Рыбкина, стремящегося учесть уроки думской истории. И.П.Рыбкин со знанием дела пишет: "Опыт четырех Дум в России необычайно актуален", - в нем "можно найти ответы на многие вопросы, стоящие перед Думой и в наши дни" (54, с.35,9). Такой подход весьма конструктивен и тем более, что отношение председателя Госдумы к минувшему носит не узкий утилитарно-прагматический характер, а отличается широким видением исторической перспективы: "Я всегда считал, пишет он, что обращение к

истории, российской в особенности, не просто обогащает духовно, нравственно, но и дает великолепный материал для осмысления современности" (54,с.9).

Все сказанное, - прекрасно, и особенно потому, что проливает бальзам на душу историков, не избалованных подобным отношением наших видных государственных деятелей к Клио, которую в их среде можно почитать почти что Золушкой. Но приходится с горечью признать, что с "великолепным материалом, с историческими фактами, которые действительно необходимы "для осмысления современности" в книге И.П.Рыбкина как раз и не все ладно, - встречаются фактические ошибки на страницах, посвященных четырем Думам. Так, например, в работе сказано: "Председателем I Думы был избран кадет С.А.Муромцев, проректор Петербургского университета" (54,с.27). На самом же деле С.А.Муромцев являлся проректором (в начале 1880-х годов) Московского, а не Петербургского университета и был избран в Думу от Москвы. В книге также говорится: "В ответ на "тронную речь" царя 5 июля 1906 года Дума приняла адрес... Через восемь дней Председатель Совета Министров И.Горемыкин отменил все требования Думы" (54,с.28). Это неверно. Ответный адрес Дума приняла 5 мая, а не 5 июля. И.Л.Горемыкин выступил 13 мая, а 9 июля I Дума уже была распущена указом Николая II.

Не повезло в книге и II Думе: "Во время заседания 24 февраля 1907, отмечается в работе, рухнул потолок. К счастью, обошлось. Никто из депутатов не пострадал. Видимо, по причине отсутствия многих из них, что явно свидетельствовало: в те времена многие рутинной заседательской практике предпочитали надомное творчество" (54,с.24). Здесь следует уточнить не многие депутаты отсутствовали, а все, потому что этот обвал произошел на исходе ночи. И не 24 февраля, а 2 марта.

А вот персоналии в монографии "пострадали": "Что касается царя, тот в Думу никогда не ходил... (депутаты -В.Ш.) решительно потребовали отставки военного министра - вора, негодяя и агента германского генштаба Б.Штюрмера... (54,с.26,34). В действительности, монарх все-таки посетил Думу (единственный раз!) - 9 февраля 1916 года. Б.В.Штюрмер был председателем Совета министров, министром внутренних дел и

даже министром иностранных дел, а вот военным миниором никогда не был, как, собственно, и агентом германского генштаба. В книге упоминается "министр внутренних дел Хохлов" (54,с.26). Такого министра не было. Может быть, имеется ввиду А.Н.Хвостов? Допущены неточности и в отношении некоторых других персонажей отечественной истории.

Коллега И.П.Рыбкина, выступая в печати, иногда также обращаются к истории царской думы. Так, В.Н.Лысенко в одной из своих статей пишет: "Дореволюционная Государственная Дума, возникшая на волне первой русской революции, парламентом в полном смысле этого слова не являлась, была скорее законосовещательным органом при монархе. Самодержец всероссийский условия выборов в Думу менял как хотел (ради усиления ее корпоративного, цензового характера). Депутатов неугодных арестовывали, ссылали в Сибирь. Думы первых двух составов в силу их строптивного, непокладистого характера были, как известно, досрочно распущены царем" (30,с. 134).

Автор прав в том, что Дума не являлась парламентом в полном смысле этого слова. Она была одной из его палат и не имела ряда важных функций, свойственных "настоящему" парламенту, в частности, министры не были ответственны перед ним. И потому та сакраментальная фраза, брошенная с думской трибуны министром финансов В.Н.Коковцовым ("У нас, слава Богу, нет еще парламента"), по смыслу была точной. Но при всем том, едва ли можно согласиться с В.Н.Лысенко, что Дума "была скорее законосовещательным органом при монархе". Законосовещательной была так никогда и не собравшаяся Булыгинская дума (1905 г.). Манифестом 17 октября 1905 года и рядом указов конца 1905 - начала 1906 г. Дума учреждалась "для обсуждения законодательных предположений" (13), т.е. как законодательный орган. Кое в чем царская Дума имела побольше прав, чем современная Дума. Она имела право на депутатские запросы (по нынешней Конституции РФ депутаты не имеют такого права) и вполне реальные, ощутимые права в бюджетной сфере. Условия же выбора в Думу царь изменил лишь один раз (3 июня 1907 г.) и это было расценено Думой как государственный переворот: монарх не мог и изменять избирательный закон без утверждения Думой. Он нарушил этот

закон, хотя и не без серьезных колебаний и опасений. Что касается ареста и ссылки народных депутатов в Сибирь, то это имело место лишь в качестве экстраординарной меры и притом по суду и с согласия самой Думы.

I и II Думы были действительно строптивые. Член I Думы В.Д.Набоков, например, заявил под бурные аплодисменты депутатов: "Исполнительная власть да покорится власти законодательной!".

И все-таки уже самый, факт обращения В.Н.Лысенко к истории прежней Думы симптоматичен тем, что он необходим: без таких "эхолотов", брошенных в глубины прошлого, невозможно оптимальное развитие современного российского парламентаризма.

В еще большей степени это относится к исследованию И.П.Рыбкина, которое "по гамбургскому счету" первопроходческое: богато новыми идеями, полемично по духу, отличается решительным неприятием мрачной формулы "история учит, что она никогда никого ничему не учит", творческим использованием опыта прошлого в нашей "буче". Сама печальная судьба российского законодательного учреждения наводит председателя теперешней Думы на не тривиально-глобальные размышления: "Возможен ли вообще парламентаризм на российской почве? Если да, то при каком содержательном наполнении и в какой правовой форме? Почему оказалась столь сложной, трагически кричащей биография предыдущих четырех Дум, из которых первым двум был отведен считанный по дням срок деятельности?" {54, с.9}.

Собственно, настоящий обзор и посвящен выяснению причин такой трагической, прерванной ее биографии, в которой есть и светлые страницы, - Дума была многообещающим "ростком" будущей России. Даже сегодня, по мнению И.П.Рыбкина, "актуальны, по крайней мере, два урока ее существования" (54,с.34). Урок первый, полагает он, состоит в том, что парламентаризм в России не был "желанным ребенком" для правящих кругов. Его становление и развитие происходило в острой борьбе с авторитаризмом, самодержавием, самоуправством чиновников исполнительной власти. Урок второй. В ходе становления российского парламентаризма был тем не менее

накоплен ценный опыт законотворчества, работы и борьбы с авторитарными тенденциями, который не следует забывать сегодня.

Развивая это утверждение, И.П.Рыбкин приводит впечатляющий перечень успешных шагов Думы в различных сферах ее деятельности: несмотря на ограниченность прав, Дума утверждала государственный бюджет, существенно влияя на весь механизм самодержавной власти Дома Романовых. Она уделяла огромное внимание сирым и обездоленным, занималась разработкой мер социальной защиты малоимущих, других слоев населения. Ею, в частности, разработано и принято одно из самых передовых в Европе фабрично-заводское законодательство. Предметом постоянной заботы Думы было народное просвещение. Она довольно задиристо ратовала перед правительством за выделение средств на строительство школ, больниц, домов призрения, церковных храмов. Особое место уделяла делам религиозных конфессий, развитию культурно - национальных автономий, защите инородцев от произвола центральных и местных чиновников. Существенное место в работе Думы занимали внешнеполитические проблемы. Думцы постоянно бомбардировали российский МИД, другие инстанции запросами, реляциями, указаниями, формировали общественное мнение. Крупнейшей заслугой Думы явилась безоговорочная поддержка кредитования на модернизацию потерпевшей поражение в войне с Японией русской армии, восстановление Тихоокеанского флота, строительство по самым передовым технологиям кораблей на Балтике и Черном море.

И.П.Рыбкин считает также, что думский опыт учит современных парламентариев боевитости, умению отстаивать народные интересы в условиях жесткого давления исполнительной власти. Этот опыт демонстрирует чудеса изобретательности в формах деятельности депутатского корпуса, высокий профессионализм и активность. И.П.Рыбкин делает и ряд других важных наблюдений, свидетельствующих о ценности думских "уроков". В деятельности Думы был, конечно, и немалый пассив, отмечает И.П.Рыбкин. Например, пишет он, остался нерешенным аграрный вопрос. Да и сама работа Думы постоянно осложнялась амбициями депутатов, шли бесконечные

личностные разборки между лидерами фракции, внутри самих фракций.

Но все же и при наличии большого "пассива", "актив" несомненен и он гораздо весомее, чем то представлялось раньше. В книге он впервые дан в столь "концентрированном" виде и впервые востребован "практиком" такого высокого ранга. Вероятно, монография И.П.Рыбкина окажет позитивное воздействие и на историографическую ситуацию, побудит исследователей к более интенсивному изучению проблем российского парламентаризма.

Пожалуй, важнейшая из этих проблем, - выяснение причин неудачи российского парламентаризма, и, в конечном итоге, поражения эволюционного пути развития исторического процесса в России. Ее изучение в течение длительного времени было затруднено тем, что в советских исследованиях царила идея закономерности социалистической революции, плохо "стыкующаяся" с положением о возможности альтернативного развития страны. Думский эксперимент изображался обычно как исторический тупик, из которого у России был лишь один выход, - "прорыв" в будущее. К сожалению, капитального труда по истории Государственной думы всех ее четырех созывов создано не было - ни отечественными, ни зарубежными учеными.

Однако историографическое поле не лежит и в небрежении, написано о Государственной думе немало и в нашей стране и "за кордоном". Причем, зарубежные и отечественные историки, занимаясь нередко одними и теми же сюжетами, часто приходили к диаметрально противоположным выводам. В советской историографии в течение многих десятилетий звучало рефреном: "Бессилие Думы в решении главных вопросов общественно-экономической и политической жизни страны свидетельствовало о ее исторической обреченности" (М, с. 9). Западная историография никогда не была столь категоричной и зачастую противопоставляла тезису об исторической обреченности Думы "резоны" в пользу ее жизненности, во многом сводя ее печальный финал к ошибкам и просчетам самой Думы и правящих кругов, отвергавших компромисс и тем самым упустивших шансы на мирную трансформацию страны (49, 50, 53 и др.). Такое видение российской истории в немалой степени

было обусловлено ожесточенными спорами бывших российских государственных и общественных деятелей, осевших в эмиграции и обвинявших друг друга в происшедшей в 1917 году катастрофе. В зарубежной историографии есть и иные точки зрения. Одна из них, весьма распространенная, заключается в том, что для мирного развития страны, а вместе с тем и для конституционного эксперимента роковой стала первая мировая война, прервавшая их. Это мнение проникло теперь и в российскую историографию. Пожалуй, меньше всего сторонников у "пессимистической" версии российской истории: завязавшийся в романовской империи узел неразрешимых противоречий был столь сложным, что этот, по сути, "гордиев узел" мог быть разрублен лишь революцией, - под ее "меч" попала и Дума.

Но в действительности существование Думы не было столь безысходным. Она подтверждает: вопрос о конечном успехе (или неудаче) идеи или института нельзя смешивать с вопросом об их историческом значении, тем более, что в долговременной перспективе победа (или поражение) нередко обращается в свою противоположность. Именно так и произошло с Госдумой, из небытия шагнувшей на политическую авансцену современной России. И дело не только в заимствовании нижней палатой Федерального собрания старой "облатки", названия этого законодательного учреждения, - как и раньше становление и развитие российского парламентаризма неразрывно связано с судьбой страны.

Государственную думу породил величайший революционный кризис, потрясший Россию в начале XX столетия. И нынешняя смута, только еще более серьезная (развал СССР, экономики России, падение жизненного уровня населения, "горячие точки" и т. д.), вызвала к жизни новый парламент. И тогда, и теперь у многих была надежда, род эйфории, что он будет способствовать решению животрепещущих проблем, выходу страны из кризиса. В отношении современного парламента они еще живы. Но как пойдет дело дальше? Не повторит ли история свой "финт", уподобив современную Думу прежней - ее судьбе? Ведь не зря и председатель V Думы задается тревожным вопросом: "Возможен ли парламентаризм на российской почве?" (54,с.9). Царская Дума прошла через все

фазисы отношения к ней различных слоев населения: веры, надежды, разочарования, причем в причудливой их амальгаме и по полярно различным причинам. И понять это можно: у каждого класса и социальной группы были свои интересы и ожидания. Но вектор общественно-политической жизни России тех лет был вибрационно-разрушительным, что находило яркое проявление в острейшей политической борьбе, сотрясавшей и Государственную думу. В то поистине судьбоносное время, всполохи которого ныне разразились грозой над Россией, Дума играла двойственную роль в общественно-политической жизни страны. С одной стороны, принимая реформы, она закладывала фундамент экономического роста России, перестройки ее социальной структуры, а вместе с этим и перспективу ее выхода из перманентного политического кризиса. Но одновременно она и "раскачивала лодку", порой дестабилизируя ситуацию в стране своими дебатами. Даже реформы, которые она принимала, будучи благотельными для России в экономическом смысле (например, аграрная), в текущей, сиюминутной жизни подливали масла в огонь: обостряли противоречия в российском обществе. Все это было в разных Думах по-разному, в иных соотношениях и пропорциях: неодинаков был избирательный закон, социальный и партийный состав депутатов, "архитектоника" фракций в Думе и "механизм" получения большинства при голосованиях, интенсивность законотворческой деятельности, характер взаимоотношений с исполнительной властью, самый накал думских прений.

И все-таки с самого возникновения Государственной думы и до ее заката в 1917 году она имела свой исторический смысл и назначение, - служить делу мирного выхода страны из "рокового импасса", из глубочайшего кризиса - без народного представительства сделать это было невозможно. И в Думе каждого из четырех созывов предпринимались попытки вывести Россию на торную дорогу мирного развития. Несмотря на все эксцессы слева и справа, роспуски и разгон, Дума просуществовала 11 лет. Но их "не хватило" для мирного переустройства России: слишком большим оказался в стране "запас" горючего революционного материала, слишком много неверных шагов делали "верхи", слишком слабыми оказались

силы, придающие "остойчивость" государственному кораблю," самоубийственным было участие России в первой мировой войне. В то роковое время и либералы, поставившие в центр всей своей деятельности парламентскую работу, порой брали неверный тон, были непоследовательны в их думской практике. Но при всем том, если наиболее радикальные фракции использовали Думу как сугубо революционную трибуну, видя магистраль развития России "вне Думы», а крайние правые стремились ликвидировать Думу или обратить ее в "первобытно-булыгинское" состояние, то либералы кровно были заинтересованы в ее сохранении и мирной работе, эволюционном пути исторического процесса в России.

В наше время крутых переоценок прошлого и запоздалых прозрений приходит и сознание того, что "трагедия русских либералов - это не только их личное банкротство, это трагедия всей России" (18, С.69). Время же не позволяет довольствоваться этой констатацией - в литературе слышны прагматические нотки: "Из трагедии русских либералов мы можем извлечь определенные уроки, если нам удастся понять причины их краха" (18). И хотя их понять не просто, - "русский либерализм - белое пятно в отечественной истории" (18, с.71), - исследователей к такому осмыслению сильно подталкивает именно сходство исторических задач старой и новой Думы. "Пятая дума как, в сущности, и ее предшественницы, ставит во главу угла "задачу вывода страны из тяжелого, глубокого всеохватного кризиса" (54, с.3).

Отсюда настоятельная необходимость обращения и к истории давно "почившей" Думы: "Дума умерла, - да здравствует Дума!". Понимание драмы отечественного парламентаризма, роковой судьбы старой Думы, - этого "тунгусского метеорита", промчавшегося по небосводу общественно-политической жизни России начала XX столетия, необходимо для "штурманской лоции» нынешней Думы, чтобы она не оказалась, подобно прежней, в "тайге" забвения.